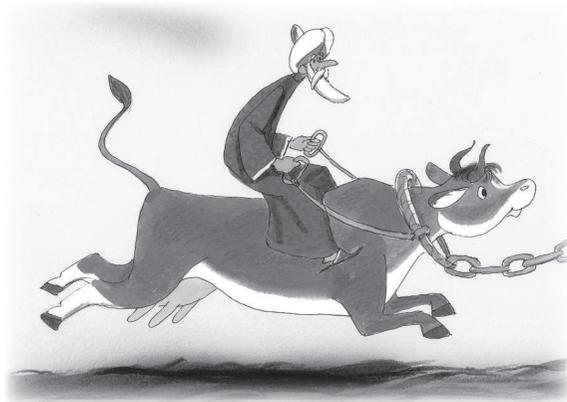

ВОЛШЕБНИК
БАХРАМ

ВОЛШЕБНИК БАХРАМ

ВОЛШЕБНИК БАХРАМ — ВЛАСТЕЛИН подземного мира (в пределах Душанбинской и Кулябской областей) — был недоволен. Его буквально переполняли знания и умения, а показать их было некому. Никто не мог сказать: «Друзья, я видел на свете немало могущественных джиннов и зловещих колдунов. Но все они не могут сделать и десятой доли того, что умеет делать славный старина Бахрам».

Он умел перемещаться в подземелье, переходя из пещеры в пещеру сквозь стену. Мог оживить любой рисунок. Мог летать под землёй на ковре-самолёте. Мог играть на любом музыкальном инструменте. Прекрасно играл в шахматы. Он видел алмазы и рубины сквозь толщу земли. И никто этого не ведал, и никто не мог повосхищаться им.

Мало того, ему некому было передать свои знания!

Жуть!

Он сидел в своём любимом бирюзовом зале, освещённом невидимыми источниками света, на своём любимом бирюзовом троне, покрытом персидским ковром. Сидел под крепким шёлковым балдахином (мало ли, вдруг землетрясение или камнепад) и страшно переживал:

— Хоть бы какой заблудший ангел сюда залетел! Хоть бы какой негодный мальчишка провалился! Я бы его немедленно поймал, сделал любимым учеником, запер бы за ре-

щётку и начал обучать. Лет через двести у меня был бы хороший наследник.

Бахрам не любил откладывать дело в долгий ящик. Он протянул руку, взял золотой колокольчик с балдахина и позвонил.

— Амфилохий!

Тотчас же в пещеру, топая босыми ногами, протирая заспанные зелёные глазищи, ввалился здоровый верзила в малиновых трусах и с кувалдой.

— Я здесь, господин!

— Амфилохий! Ты что делаешь? Спишь?

— Никак нет, господин! Я не сплю. Я кувалду протираю! Сильно засорилась. Заржавела совсем. Здесь, под землей, однако, всё сильно ржавеет.

— Хорошо сказано, однако, — согласился Бахрам, — что всё ржавеет. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой тоже сильно заржавели?

— Не кажется, господин. Люди не ржавеют.

— Это верно, Амфилохий, светлая голова. Тогда я по-другому скажу. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой здесь сильно обросли мхом?

Амфилохий опять не согласился:

— Не кажется, господин. Люди мхом не обрастают.

— Н-да.

Бахрам долго молчал, потом произнёс:

— Скучный ты, Амфилохий, вот что. Иди-ка ты на своё место и добывай алмазы. И кувалда твоя мхом не покроется.

Но через пять минут он снова позвонил в колокольчик.

Амфилохий снова пришлёпал, волоча за собой кувалду. С ней он никогда не расставался. Видно, любил её.

— Чего тебе, господин?

— Вот чего. Ты, Амфилохий, умойся по-основательнее. Приоденься и поднимись наверх, на поверхность земли.

— Зачем? — испугался Амфилохий.

— Отыщешь там мальчишку поприлич-

нее, запихнёшь его в мешок и принесёшь сюда. Будет у меня ученик.

— А умываться-то зачем?

— Чтобы мальчишку твоей чумазостью не напугать.

— Хорошо, господин. Слушаюсь и повинуюсь.

И пошёл верзила с грустью умываться. Делать нечего, воля господина для раба — всё равно что воля Аллаха для господина.

— Э-хе-хе, — сказал сам себе Бахрам. — Вот точно так же две тысячи лет назад один подземный слуга вылез наружу, пришёл на большой городской базар, нашёл меня в очистках, сунул меня в мешок, принёс меня сюда и отдал на обучение великому джинну Самархану.

Потом он подумал и добавил:

— А что? И не зря. Ведь вырос я и стал человеком. Мои бедные родители, которые меня никогда не видели, смело могут мной гордиться.

* * *

В это время третьеклассница Маша Скрипкина с портфелем в руках, не торопясь, прогуливаясь, шла в сторону, противоположную от школы. Она шла прогуливаясь, потому что прогуливала.

Её легко понять. Ей уже поставили две двойки по природоведению. Не хватало только третьей.

Дело в том, что Маша была сугубо городской житель, и во всякую природу не верила, и учить природоведение не хотела. А учительница Мария Ивановна очень хотела, чтобы она учила природоведение.

И вот нашла коса на камень.

Маша была упрямая, как маленький бычок. А Марья Ивановна была упрямая, как... В общем, Марья Ивановна тоже была упрямая.

Марья Ивановна не нашла к Маше правильного педагогического подхода. Ей бы надо было взять Машу в лес за город, показать ей всякие подснежники, букашки. По-

просить родителей, чтобы они купили Маше птичку или рыбку. Посадить с Машей лук в банке на окне. Глядишь бы, Маша всё поняла про природу.

А Марья Ивановна воспитывала Машу двойками. Маша взяла и сбежала. Она шла и бурчала про себя:

— Камни, кирпичи — вот лучшая природа. В крайнем случае, фонари.

Вдруг канализационный люк перед ней открылся, и из него высунулась здоровая курчавая голова размером с большой котёл для плова.

— Салям алейкум, — сказала голова. — Ты кто?

Надо сказать, что Маша была одета в лёгкий современный костюмчик: рубашка, курточка, портфель и тёмные брючата.

— Я — Маша, — ответила Маша. — А вы кто?

— Я — Амфилохий, — ответил джинн из канализации.

— А что вы там делаете? — спросила Маша. — Водопровод ремонтируете?

— Я на задании, — сказал курчавый джинн. — Меня послали искать ребёнка.

— У вас ребёнок потерялся?

— Нет ещё. У нас его пока ещё нет. Нам нужен толковый ребёнок. Ты, например, толковый ребёнок?

— Когда как, — ответила Маша. — Дома я — толковый ребёнок, а в школе не очень. Но если я дома уроки делаю, я не очень толковый ребёнок. А когда мы в школе не учимся, а играем, я опять толковый ребёнок.

«Совсем меня запутал этот мальчик, — подумал Амфилохий. — Надо хватать его и бежать. Всё равно не могу из люка вылезти, плечи не пускают. Лучше потом обменять его, если что не так».

На всякий случай он спросил:

— А ты считать умеешь? Или читать?

— Умею, — сказала Маша.

— Ну вот сколько будет, если... если прибавить... если поделить...

Он никак не мог придумать, что к чему

прибавить и что на что поделить, потому что сам был неграмотным.

— Тьфу ты! — сказал он.

Он просто вытащил мешок, схватил Машу за шкуру и запихнул её в него.

— Эй ты, лопоухий! — кричала Маша. — Ты что делаешь?

— Не Лопоухий, а Амфилохий, — отвечал джинн. — Я ребёнка нашёл.

— Ты не того нашёл! — кричала Маша.

Она сердилась, кусалась, колотила его по спине ногами, но он упрямо тащил её вниз по подземным переходам.

* * *

И вот в пещеру великого подземного Бахрама вступил довольный Амфилохий с мешком.

— Вот, — вытряхнул он Машу на пол, — принёс, хозяин.

Маша плюхнулась на толстый ковёр, как тощая весенняя лягушка — всеми четырьмя лапами. Но быстро вскочила и приняла